

Александр
Тамоников

**СЛЕД
У ТАЕЖНОЙ
РЕКИ**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 След у таежной реки / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-235409-0

1943 год. Приморье. В таежной реке найдены фрагменты человеческого тела. Похоже, таким образом тигр припрятал в холодной воде свою добычу. Но если это тигр, то почему труп без одежды?.. Спустя несколько дней капитан СМЕРШ Николай Назаров задерживает на станции подозрительного красноармейца. Со слов бойца, он отстал от эшелона, идущего в направлении Хабаровска. Именно там недавно назначенный командующим Дальневосточным фронтом генерал Пуркаев формирует свой штаб. Среди документов задержанного обнаружено письмо на бумаге японского производства. Оперативное чутье подсказывает Назарову, что неопознанный труп в реке и этот «дезертир» — звенья хорошо спланированной японцами операции по устранению советского генерала...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235409-0

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Из ориентировки уполномоченного НКГБ СССР по Дальнему Востоку № 110435 от 16 сентября 1943 г.

Органы японской разведки практикуют засылку на нашу территорию своей агентуры из числа русских, давая им задание на проведение шпионской работы в легальных условиях проживания, для чего последние снабжаются подложными советскими документами.

Комиссар госбезопасности 2-го ранга
С. А. Гоглидзе

1

Темно-свинцовую тучу, наползавшую на небо, прорезала ослепительная вспышка, вслед за которой раскатиистой рындой заухал гром. Над верхушками деревьев пронесся сильный ветер. В начале августа сорок третьего была непогода, океан гнал жестокую грозу на отроги седого Сихотэ-Алиня.

Двое двигались по левому берегу речки Алчан. Берег был скалистый, для передвижения неудобный, но все лучше правого, где пространство меж здоровенных сосен и кедров

сплошняком завалил бурелом, оплетенный диким виноградом, а редкие участки, свободные от поваленных стволов, обильно поросли непроходимыми зарослями черемухи и корявым ельником.

— Так, где же труп? Далеко ли еще? — спросил один из путников — тот, что был молодым, одетый в военную форму, судя по петличкам старший лейтенант. — Ты, дедко, говорил, мол, до урочища еще километр. Сдается мне, мы этот километр прошли.

Попутчик не был ему родным дедом, но к старому лесничему Афанасию местные иначе как «дед» не обращались.

— Какой у тебя глазомер, Миха! Верно говоришь: километр прошли, — изумился Афанасий, ставя ударение в слове «километр» на букве «о», как завелось в здешних деревнях. — Я, получается, обсчитался, а твой глаз — как ватерпас. И чего ты с таким глазомером в чекисты подался? В лесники тебе надо. Ступай ко мне в помощники. Меня, слышь, скоро в землю зароют, работа твоя будет.

Михаил Тимофеев негромко посмеивался. Ориентировался он и впрямь не хуже любого таежника. Во-первых, потому, что родился Тимофеев не так уж далеко от этих мест, в селе Камень-Рыболов на восточном берегу озера Ханка. Во-вторых, сказывалась отличная школа. Когда Тимофеева, восемнадцатилетнего па-

ренька, в феврале 1942 года призвали по мобилизации в Красную Армию, то направили на учебу в военно-топографическое училище. После окончания краткосрочного курса в сентябре того же года в звании младшего лейтенанта Тимофеев был назначен топографом второго разряда в один из топографических отрядов Забайкальского фронта. За отличную службу, выдающиеся способности и наблюдательность в марте 1943 года повышен в должности и переведен в триангуляторы.

На этом быстрое продвижение по службе не остановилось. Уже в июле Тимофеев помог пограничникам захватить японского лазутчика, проявив мужество, за что получил внеочередное повышение в звании и обратил на себя внимание контрразведки. Без долгих размышлений чекисты приняли перспективного молодого топографа в ряды только-только формирующегося СМЕРШа и предложили на выбор место прохождения службы — Дальневосточный фронт или Забайкальский. Михаил выбрал отчий дом, мотивировав тем, что здесь будет полезнее, поскольку с мальчишества изучил уссурийскую тайгу. «А страну посмотреть и после войны успею!» — с энтузиазмом пояснил старший лейтенант.

Так Михаил Евдокимович Тимофеев попал в отдел контрразведки СМЕРШ Первой Краснознаменной армии Дальневосточного фронта,

под начало знаменитого полковника В. П. Шпагина, кавалера ордена Красного Знамени.

— Рано тебе, дедко, в землю, — шутливо возразил Тимофеев. — Представь: сунутся сюда самураи, кто-то должен будет их завести в тайгу, как Иван Сусанин. Как раз для тебя задача. Меня-то в дебри завел.

— Я те покажу Сусанина! — пригрозил Афанасий, расплывшись в улыбке. — Скоро дойдем. Слышишь гудеж? Тот самый ручей гудит.

И впрямь идти пришлось недолго. Завернув за скалу, путники попали в урочище, образованное древним обвалом и напоминавшее по форме расколотую чашу. На дне чаши клокотал и пенился, просясь в Алчан, родник.

Тело Тимофеев заметил сразу.

Точнее, не тело, а отдельные его части, белевшие из-под воды. Издали не понять, руки это или ноги. Течение прибило их к камням, где родник терял напористость и успокаивался.

Поскальзываясь на устилавших землю лапах пихтача, Михаил заспешил к останкам. Походившие на обломки мраморной статуи куски вызывали страх, отвращение и тревогу. К горлу подкатила тошнота. За время войны парень не раз видел смерть, но такие трупы, растерзанные диким зверем, Тимофееву прежде не попадались.

В ручье лежала жертва тигра-людоеда. Не требовалось осматривать раны, чтобы понять очевидное. Амурский красавец — опасный убий-

ца и вместе с тем смысленный зверь, обычно он кладет разодранную добычу в холодную проточную воду, чтобы мясо дольше сохраняло свежесть и сочность. Волки поступают иначе: они несъеденные туши закапывают про запас, потому что любят мясо с душком.

— Давно здесь людоедов не было, — обронил дед Афанасий. — Собакоеды были, но чтоб на человека напасть... нет, такой беды не случилось лет десять, ежели не больше.

Улыбка давно сошла с его лица, которое вновь помрачнело. Борясь с чувством гадливости, Тимофеев под причитания старика сложил фрагменты тела в заранее заготовленный мешок.

— Теперь даже имени человека не узнать, — сокрушался лесник.

Михаил пожалел его и уверенным тоном солгал:

— Узнают. Отправлю патологоанатому в Хабаровск. Там у них такая лаборатория, они все узнать могут! Наука, дедко, передовая наука... Похороним как положено, родных известим.

— Дай-то бог.

Старик, казалось, поверил. Тимофеев не хотел печалить его еще больше. Зачем дедушке знать горькую правду о том, что по этим останкам не узнать ни имени, ни фамилии? Погибший, очевидно, нестарый мужчина среднего роста, что несложно понять по уцелевшим предплечьям.

Конечно, у женщин и девушек тоже встречаются крепкие предплечья, кисти и пальцы грубой формы, у многих ногти не знали маникюра. Откуда, спрашивается, маникюр в лесничестве или колхозе? Вдобавок с началом войны девчонок с огрубевшими, мужскими руками стало в несколько раз больше. Да ведь у женщин не растут столь обильно волосы на руках, а погибший был изрядно волосат. Так что труп наверняка принадлежит мужчине.

Скорее всего, не китайцу, не корейцу и не японцу. Белая кожа и пропорции выдавали в жертве русского. Хотя кто ж его поймет! В анатомии Тимофеев не разбирался, он всего лишь топограф, его дело — карты. В лаборатории скажут точнее, но личность не установят, таких высот наука еще не достигла.

Если б где-то рядом валялись личные вещи несчастного, что-то из одежды, тогда имелся бы шанс опознать. Увы, нет, нападение произошло не здесь, тигр расправился с человеком в другом месте, там же часть сожрал, а сюда принес остатки пиршества. И все-таки, все-таки...

— Как зверю удалось раздеть человека?

Одежда... Ее полное отсутствие почему-то встревожило Тимофеева. Служба в контрразведке не только повысила присущую Михаилу внимательность к мелочам, но и приучила подмечать противоречия. Совсем как сейчас, когда к фрагментам трупа должны были пристать

и сохраниться какие-то обрывки, лохмотья, тряпки. Должны, и тем не менее не сохранились. Создавалось впечатление, будто животное атаковало обнаженного человека.

— Мужичок купался, поди, когда на него тигр набросился, — предположил Афанасий.

Логичное и простое объяснение вроде бы. Странно то, что погибший пошел купаться далеко в лес. Или тигр настиг человека вблизи от жилья, а затем протащил добрых три километра в чащу? Выходит несостыковка. Впрочем, Тимофеев удовлетворенно отметил, что старый лесник тоже опознал жертву как мужчину: «Стало быть, наши выводы сходятся».

В мирное время удалось бы выпросить у пограничников собаку, чтобы она отыскала вещи погибшего. Раз мужчина купался, значит, его одежда не повреждена тигром, она где-то аккуратно сложена на берегу Алчана. Находка повысила бы шансы на опознание. К сожалению, сейчас каждая ученая собака на счету, каждая занята важным делом. Раньше в пограничные войска присылала четвероногих помощников Туринская школа собаководства, теперь она работает исключительно на фронт, на полыхающую дугу, распростершуюся на пространстве от Орла до Курска. Там специально обученные собаки доставляют почту, спасают раненых, подрывают ценой собственной жизни вражеские «тигры». Нет, не таких, как полосатые

кошки в уссурийской тайге, а других, одетых в стальную броню и несравнимо более смертоносных. Собак катастрофически не хватает, армия обращается за помощью к охотникам, которым скрепя сердце приходится расставаться с верными друзьями.

Несомненно, опознание погибшего — важная задача, и, вероятно, на пару часов поисков удалось бы выпросить Шарика или Тузика, если бы старший лейтенант сумел убедить в том, что результат будет достигнут. Здесь-то и коренилась главная проблема: успех поисков самому Тимофееву представлялся, откровенно говоря, иллюзорным.

«Не найдут собаки вещей, поскольку не выйти на след по слабому трупному запаху от останков, невесть сколько времени пролежавших в проточной воде, — удрученно признался сам себе Михаил. — Нет, никто мне собаку не даст на заведомо пустую трату времени».

Оставалось надеяться, что командование Первой армии или милиция сообщит о недавнем исчезновении мужчины — солдата или гражданского, подходящего под известные приметы, и тогда изуродованный хищником мертвец обретет имя и лицо.

— Пошли, дедко, пока нас грозой не накрыло.

— Не сахарные, чай, не растаем, — вздохнул лесник, но больше прекословить не стал

и спешно последовал за Тимофеевым. Оба понимали, что гроза обещала выдаться сильной, такая запросто превратит речку-невеличку в бушующего монстра, выходящего из берегов и перемалывающего в щепки старый бурелом.

На станции Алчан они попрощались. Старший лейтенант из будки стрелочника связался с Бикином и сообщил, что без остановок поедет с кошмарной ношей в Хабаровск, велел оповестить городской морг. В ожидании поезда Тимофеев наскоро заполнил захваченный в дорогу акт о нахождении тела. Когда состав прибыл, с неба лило как из ведра. На Приморье обрушилась страшная непогода.

2

На перроне в Лесозаводске было пыльно, душно и скучно. Не вносил оживления даже состав, в котором галдели солдаты и моряки. Он с минуты на минуту должен был отбыть в Хабаровск. Петраков, прошедший Сталинградскую битву, в Приморье томился от безделья. Сихотэ-Алинь встретил приунывшего бойца идиллическими тишиной и спокойствием: здесь не ревели танки, не грохотала артиллерия. Солдатики в гарнизонах маялись. Серьезная работа была лишь у пограничников, им-то самураи высыпаться не позволяли своими гадкими провокациями. Особисты казались сверх меры занятыми, но их суэта сержанта разочаровывала.

Капитан Назаров терпеливо внушал подчиненному при каждой оказии, что служба в СМЕРШе тоже полна боевой романтики, и страшал историями про японских шпионов. Если верить капитану — а сержант Валентин Петраков его словам доверял с оглядкой, — то по железным дорогам Союза постоянно катились эшелоны с японцами. «С Японией у нас пакт о нейтралитете, — пояснял тонкости международной политики Назаров. — Поэтому, хотя она и союзник Германии и воюет против наших союзников, мы обязаны свободно пропускать японских дипкурьеров через свою территорию».

Как следовало из дальнейших пояснений капитана, расписание движения дипкурьеров построено с таким хитрым расчетом, что вся Транссибирская магистраль находится под непрерывным наблюдением японцев: каждую неделю пара курьеров либо едет восвояси из Куйбышева, «запасной» советской столицы, либо держит обратный путь — из Токио в Куйбышев. Кроме курьеров, вдоль трассы регулярно перемещаются прочие чиновники из дипучреждений, другие японские граждане. Им достаточно просто смотреть в окошко, чтобы осуществлять сбор разведывательных сведений, записывая увиденное в блокнотики, а затем по прибытии домой составлять отчеты о строительстве военных объектов, перевозке солдат и техники, со-

стоянии старых и появлении новых укреплений и о многом другом, что небесполезно знать на случай вторжения. На тот самый случай, в ожидании которого у советско-маньчжурской границы размещалась Квантунская армия Японии численностью миллион человек.

Некоторые проезжающие транзитом японцы заходят дальше обычного наблюдения и всеми правдами и неправдами пытаются вступить в контакт с пассажирами поезда либо даже с ожидающими на железнодорожных станциях и случайными встречными при пересадках. При этом незваные гости из Страны восходящего солнца не боялись завязывать диалоги с командирами Красной Армии, сотрудниками НКВД, железнодорожной администрацией и уж тем более с гражданскими лицами. Охотнее всего японцы вступали в общение с русскими, которые далеко не всегда умеют различать азиатские народы, отчего слепо верят иностранцу, заявляющему, будто он из Казахстана или Киргизии. Предлоги завязать беседу бывали различными: попросить об услуге, например прикурить, или осведомиться, не пропустил ли вопрошающий свою станцию.

Особо смелые предлагали обмен или продажу всяческой мелочи: махорки, зажигалок, предметов одежды, наручных часов, перочинных ножей. Женские платки являлись самым желанным предметом сделок, потому что большин-

ству мужчин не хотелось возвращаться к женам и матерям с пустыми руками, а платок — лучший подарок женщине. Обнаружив болтуна, японец с радостью вел его в купе, где подпайвал добрым винцом, отчего у собеседника язык развязывался еще больше.

Временами встречи японцев с нашими гражданами на перроне вовсе не случайны, а маскируют передачу данных резидентам почти у всех на виду.

Восточный сосед пользовался своей неприкасаемостью и играл в опасные игры. Наши спецслужбы вели ответную игру. Петраков отказывался понимать, почему нельзя вышвырнуть самураев из Советской страны пинком под зад, но смирился с положением вещей, рассудив, что «Сталину виднее».

Одно время в серые будни привносили немного разнообразия обыски тех вагонов, в которых ехали японские дипломаты. Дело в том, что японца отличала феноменальная «забывчивость». Почти каждый второй оставлял после себя в купе какие-то вещи: листовки, книги, газеты, журналы, непременно на русском языке. Разумеется, то были агитматериалы. Читать их не позволялось, требовалось собирать и сдавать куда положено. Перечисленная пропаганда в несметных количествах изготавливалась русскими белоэмигрантами в разных городах Европы, Азии и Америки, главным образом на тер-

ритории бывшего Дунбэя, то есть китайского Северо-Востока, ныне подконтрольного японцам и получившего статус «независимого» государства Маньчжоу-Го.

Вот и сегодняшний обыск тоже принес кое-что. Состав шел из Владивостока, где с поезда сошли два курьера, чтобы по морю добраться до Хоккайдо. По идее, купе японцев требовалось обыскать сразу, как они покинули вагон, но заморские гости обманули контрразведку, причем до неожиданности примитивным способом. Они обменялись купе с соседями. Обман раскрылся с запозданием, когда поезд подходил к Лесозаводску, поэтому здешним чекистам позвонили из Владивостока и поручили провести вторичный обыск.

— Есть «улов»! — весело откликнулся сержант Рябцев, выбежавший из вагона, размахивая над головой трофейной брошюрой.

— Где нашел? — заинтересовался Петраков.

— Спрятали в чужом купе под обшивкой.

Лесозаводск представлял особый интерес для самураев. Здесь японские дипломаты, сходя с поезда, частенько заводили беседы с военными и гражданскими. Здесь чаще всего случались нарушения государственной границы агентами, прибывающими со стороны Китая. Поэтому Петраков любил, когда его отправляли из Бикина выполнять какую-нибудь работу в Лесозаводск, где порой ощущалась реальная

борьба со шпионажем. На сей раз удалось отыскать пропагандистскую брошюру, припрятанную японским курьером подальше от глаз чекистов и с расчетом, чтобы она попала в руки случайному пассажиру.

— Одна?

— Одна.

— Тьфу ты! — расстроился Петраков. — Тоже мне, «улов»!

Валентин был неместным, он родился в 1922 году в Краматорске, на Донбассе. О карьере в Вооруженных Силах паренек никогда не помышлял, после школы он работал на одной из больших строек пятилетки, воспетых газетами, — на сооружении Краматорского завода тяжелого машиностроения. Юноша раздумывал, куда податься: пойти ли в строители или же остаться рабочим на заводе. В какой-то момент перспектива прикрепиться к заводу показалась заманчивой. Петраков уже мысленно видел себя много лет спустя стареющим, седобородым мастером цеха, горделиво рассказывающим недавно устроившемуся на предприятие молодняку: «А ведь я наш завод строил вот этими самыми руками, я здесь каждую гайку знаю».

Война изменила все, с августа 1941 года Петраков в армии. Попав в мотострелковый дивизион особого назначения, участвовал в охране Москвы от диверсантов, в том числе во время исторического парада на Красной площади в годовщину

Октября. Тогда-то Валентин поставил перед собой новую цель — непременно дойти до Берлина, и поначалу судьба вела его в намеченном направлении, когда осенью 1942-го бросила на Волгу.

Затем жизнь сделала крутой поворот. Едва в войне наметился великий перелом и РККА погнала врага на Запад, как лично Валентину — почему-то именно ему, а не кому-то другому — мечту о Берлине пришлось забыть. Летом 1943-го Петраков неведомо как, по прихоти начальства и уж точно без особого рвения, попал в роту охраны войск СМЕРШ Отдельной Приморской армии.

Петракова с сержантом Виктором Рябцевым сближало только одно: Рябцев тоже был неместным, родился в селе Гавриловка в Казахстане. Во всем остальном они расходились. Виктор был почти на три года старше Валентина, до армии работал в родном селе трактористом. После призыва в 1938-м Рябцев проходил срочную службу в 12-й отдельной стрелковой бригаде, а с началом Отечественной получил направление в снайперскую школу в Хабаровске, которую окончил в начале 1942 года, да так здесь, на Дальнем Востоке, и задержался. Виктор считал службу в СМЕРШе интересной и важной, поэтому на судьбу не роптал, о подвигах не грезил. Каким образом эти двое находили общий язык при всех своих различиях, оставалось для окружающих загадкой.

— Тебе этого мало? — поразился Виктор, светившийся от восторга. Неутомимому оптимисту не требовалось многого для радости. — За неделю три таких книги нашли, эта четвертая. Указание двадцать девять определяет такое распространение антисоветской литературы как злостное. Значит, нам надо составить официальный акт через администрацию дороги и вызвать представителей железнодорожной милиции. Или привлечь в понятия пассажиров.

Рябцев говорил про указание НКВД за номером 29 от 19 января 1943 года, предписывавшее производить тщательный осмотр вагонов, в которых следуют японцы, чтобы своевременно находить распространяемые недружественной стороной материалы и другие подозрительные вещи, оставляемые в купе якобы нечаянно.

На самом деле Валентин мечтал хоть разок при обыске вагонов отыскать не умышленно оставленный «мусор», а по-настоящему случайно оброненную схему трассы. Такой аппетитный трофей определенно улучшил бы настроение жаждающего больших дел и свершений сержанта. Схема трассы — новое изобретение Второго отдела. Она представляет собой полосу шириной сантиметра четыре и длиной примерно метр с хвостом, на которой в типографии наносятся условные обозначения для известных японцам объектов по ходу следования: депо, разъезды, станции, сигнальные

посты, крупные и мелкие мосты, водокачки, колодцы. Вместо того чтобы записывать путевые наблюдения в блокнот, дипломат наносит собираемую информацию непосредственно на схему, точно обозначая координаты относительно разметки. В каком месте замечено передвижение воинских частей? Где базируются казармы, аэродромы, другие стратегические или оборонные объекты? Близ каких поселений построены нефтехранилища и угольные базы? Имеются ли в окрестностях складские помещения для хранения провианта или стройматериалов? Все эти данные запросто умещаются на полоске бумаги, которую легко свернуть в рулончик, удобный для перевозки и передачи во Второй отдел.

Разведка сопоставляет несколько схем от разных людей за некоторый период, по результатам анализа приходит к выводам о том, чем живет северный сосед, какими силами он обладает и насколько уязвима советская граница. Иногда сличение схем трассы поднимает новые вопросы, уточнение которых возлагается на других дипкурьеров или даже лазутчиков.

Но японец не терял заветных рулончиков, его «рассеянность» была избирательна.

Внимание Петракова переключилось на оклик прапорщика, остановившего высокого чернявенького красавчика в звании рядового, который попытался залезть в вагон к шумным солда-

там. Сержант заинтересовался, быстрым шагом приблизился к прапорщику и осведомился, что за сыр-бор разгорелся на перроне.

Выяснилось, что красавчик-новобранец по нерасторопности отстал от своего полка и теперь пытался догнать товарищей, видимо уже доехавших в часть в Хабаровске. Чтобы чем-то себя занять, Петраков с важным видом проверил документы рядового, выданные на имя Зайцева, и попутно задал формальные вопросы: кто, откуда, зачем. Зайцев отвечал прямо, без колебаний. На его широком лице отражались переживаемые парнем чувства. На родине Петракова такого парня прозвали бы «простыней».

Рябцев присоединился к сержанту и теперь заглядывал через его плечо. Единственная вещь, угнетавшая вечного оптимиста в Приморье, состояла в том, что общаться здесь приходилось главным образом с моряками, рыбаками, лесниками и охотниками. Компания, конечно, хорошая во многих отношениях, но вести задушевную беседу о земле, о пахоте с ними немислимо. Увидев, что по документам Зайцев работает в колхозе, Виктор испытал воодушевление от возможности потолковать с таким же крестьянским сыном, как и он сам.

— А что, у вас в «Пограничнике» ведь тракторов-то не осталось совсем, наверное? — спросил Рябцев о наболевшем.